

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 3 августа 2025

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 3 de agosto de 2025

№ 3251

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

Летописец публицистики Русского Зарубежья

Я счастлив сообщить, что готов к печати четвёртый сборник статей старинного, многолетнего (почти 63-летний стаж — уникальный случай для русской, да и мировой публицистики), самого плодотворного и многогранного сотрудника нашей газеты «Наша Страна» — Даниила Федоровича Петрова.

Активнейший монархический деятель; верный сын Русской Зарубежной Церкви; талантливый писатель; крупный учёный-лингвист, владевший десятками языков, обладавший энциклопедическими познаниями и совершенно феноменальной памятью; поразительно работоспособный труженик, не переставший писать до последнего дня своей долголетней жизни (а прожил он без малого 94 года), Даниил Фёдорович Петров представлял собою целую эпоху в жизни русской политической эмиграции, являлся её богатейшим олицетворением.

Я рад повторять эти слова снова и снова в моих предисловиях к книгам Даниила Федоровича.

Даниил Федорович родился в Царском Селе 3 мая 1918 года (в то время это было «Детское Село»; название «Пушкин» присвоили перед самой Второй Мировой). Сын врача, он окончил там школу. А потом в Ленинграде — филологический факультет, где изучал романские языки.

Свой путь журналиста, литературоведа и учёного-лингвиста Даниил Федорович начал сразу же после войны, как только оказался в эмиграции, и поскольку писать под своим именем было опасно, он выбрал себе псевдоним «Владимир Рудинский». Примерно в то же время появился другой его персонаж, «Аркадий Рахманов». С тех пор все его статьи выходили под псевдонимами, исключение он делал лишь для научных лингвистических статей, которые подписывал своей настоящей фамилией.

Даниил Фёдорович писал под целым рядом псевдонимов: Вла-

димир Рудинский, Аркадий Рахманов, Геннадий Криваго, Виктор Штремлер, Елизавета Веденева, Савва Юрченко, Вадим Барбарухин, Гамид Садыкбаев...

Его многочисленные персонажи-псевдонимы жили как бы своей жизнью, в разных странах, и отвечали за различные тематики и направления. Это был целый мир непохожих друг на друга личностей.

Так, парижанин Аркадий Рахманов писал исключительно на лингвистические темы и вёл в «Нашей Стране» рубрику «Языковые уродства», неустанно борясь за чистый и правильный русский язык, и резко и непримиримо критикуя всевозможные модернизмы, новояз и просто лингвистические ляпы, допускаемые писателями и журналистами, как отечественных, так и русского зарубежья.

Канадец Гамид Садыкбаев вёл рубрику «Монархическая этнография» и публиковал исследования по истории народов России дореволюционного и советского периодов.

Савва Юрченко из Швеции был, наряду с Владимиром Рудинским, ведущим литературоведом газеты и был ответственным за рубрику «Среди книг». Геннадий Криваго из Италии, Виктор Штремлер из Греции и лондонец Вадим Барбарухин выступали с краткими заметками и письмами на разные темы, принимали участие в рубрике «Трибуна читателя», печатали дополнительные комментарии на темы, уже разобранные Владимиром Рудинским.

Иногда персонажи эти не соглашались друг с другом, спорили и даже критиковали друг друга.

И, наконец, Елизавета Веденева из Бельгии в течение многих лет была политическим рупором Даниила Федоровича, и её рубрика «Мираж современности» часто была самым острым, эмоциональным и ярким разделом газеты, печатавшимся, как правило, на первой полосе.

Публиковался Даниил Федорович во множестве журналов выходивших в лагерях Ди-Пи — в Германии, в Италии, особенно у Н. Н. Чухнова, впоследствии редактора нью-йоркского монархического журнала «Знамя России».

С Иваном Солоневичем завязал переписку, когда тот был еще в Германии. Первая статья Рудинского в «Нашей Стране» появилась в № 6, от 11 ноября 1948.

Кроме «Нашей Страны», он писал в парижских «Возрождении», «Русской Мысли», «Русском Пути» и «Русском Воскресении», брюссельском «Часовом», нью-йоркских «Знамени России», «Заре России», «Новом Журнале», «России», «Наших Вестях» и «Новом Русском Слове», сан-францисской «Русской Жизни», канадском «Современнике»,

германских «Русском Ключе» и «Голосе Зарубежья», аргентинском «Вестнике».

Помимо очерков и статей, писал Даниил Федорович и художественные произведения, рассказы и новеллы, многие из которых в конце концов были собраны в книге «Страшный Париж», вышедшей в 1992 г. в Иерусалиме, и в 1995 г. в Москве.

В начале своей парижской жизни он активно участвовал в общественной жизни, выступал на собраниях, делал доклады.

А также проучился два года в Богословском Институте на улице Крима, находящемся в юрисдикции Парижской Архиепископии. Потом его исключили — фактически за то, что поехал в Брюссель на съезд имперцев, не испросив разрешения, хотя это было во время каникул.

Затем поступил в Школу Восточных Языков, где изучал малайский, и её окончил. Лингвистикой занимался всю жизнь.

По Ленинградскому университету знал языки: французский, испанский, португальский, итальянский, румынский, латынь, английский.

По Школе Языков — немецкий. Позже изучал многие другие, включая малайско-полинезийские.

Был представителем в Париже Высшего Монархического Совета и монархической подпольной организации «Русские Революционные Силы». Когда в 1960 г. в Париже ожидался приезд Хрущёва, Даниил Фёдорович, в числе других антикоммунистов, был арестован французской полицией и сослан на Корсику, в город Иль Русс, как опасный для советских главарей монархист. После этого, когда кто из большевистских «вождей» приезжал во Францию, Петрова заставляли являться в участок расписываться.

Помимо журналистической, общественно-политической и литературоведческой, Даниил Фёдорович вёл большую научно-исследовательскую работу.

Несколько лет трудился во французском Центре Научных Исследований, а потом в отделе американского Йельского университета. Там составлял рефераты научных статей из журналов и книг на десятках разных языков, — по лингвистике, истории, литературе и пр.

Работы Даниила Фёдоровича в области лингвистики (он занимался сопоставлением австронезийских и индоевропейских языков), — увы, доселе в значительной степени не обнародованные, — имеют не только научное, но и богословское, религиозное значение, доказывая существование первоначального единого языка человечества, исходящего от одной, и очевидно небольшой, группы. Если не из единой пары.

А научное доказательство, что некогда был единый язык у

человечества (а значит и общие предки) было бы свидетельством об истинности библейского повествования. И, следовательно, подтверждением христианству.

Жил он всегда очень скромно, и на окружающую обстановку, да и свой внешний вид обращал мало внимания. Я имел возможность в этом убедиться, когда посещал его в его маленькой квартирке в Париже. Видать, всё, что не относилось к умственной работе, творчеству, его научным лингвистическим открытиям — просто не попадало в поле его зрения, ничего для него не значило.

Многое было утеряно из того, что Даниил Федорович собирал всю жизнь. Вольно, или невольно, но в 1999 году, когда он находился в больнице, при ремонте его квартирки была уничтожена значительная и очень ценная часть его архива, в частности, коллекция редчайших журналов и газеты, где он сотрудничал. Уникальные, почти нигде не сохранившиеся. На машинке, потом типографским способом, — Чухнова в германских лагерях, Ефимовского в Париже, Сакова в Италии, Шапкина в Аргентине, по-французски «Russie-URSS» Майера, и многое другое, всего не пересчитать. Это была его гордость и радость, вся монархическая мысль эмиграции за весь период жизни целого поколения!

Слава Богу, значительная часть уцелевшего архива Даниила Фёдоровича была все же передана в русский отдел архива Бременского Университета. Однако, Никита Струве отказался передать оставшийся ценный материал в Дом Русского Зарубежья имени А. И. Солженицына.

Буквально до самой своей кончины Даниил Федорович продолжал горько жаловаться на то, что его научные работы так и пропадут, равно как и не переданная в Бремен часть его архива, включая фотографии, книги и лингвистические рукописи.

К сожалению, его худшие ожидания только подтвердились после его смерти. Не легка была земная жизнь Даниила Федоровича Петрова, не сохранилась наиболее ценная с его точки зрения часть архива после его кончины, не стала пухом ему приютившая его французская земля.

Завещание, в котором он распорядился, чтобы его лингвистические рукописи, содержащие открытия в области малайского языка, фотографии, а также лингвистические и другие ценные и редкие книги были переданы на хранение в научный архив Бременского университета, так и не было выполнено. Наиболее ценная часть лингвистических рукописей была вывезена в Россию, а оставшаяся часть архива находится неизвестно где. Кроме того, поскольку Даниил Фёдорович

не имел родственников во Франции и не оставил в завещании формальных распоряжений относительно своих похорон, его останки хранились по французским законам во временной могиле пять лет, а затем были кремированы, а прах развеян, в соответствии с буквой закона, над специально отведенным участком кладбища, где за многие годы таким же образом был развеян прах многих других не имевших наследников парижан.

Рудинского больше нет среди нас, но он жив в своих трудах. И это не клише. Потому что он пишет, как дышит. Что ни подвернется ему под перо, всё живёт и блестит, и восхищает. В десять, пятнадцать

минут любая картина готова. Такой лёгкости и ясности, пожалуй, ещё не знала публицистика наша.

Произведения Даниила Петровича, которые были опубликованы в «Нашей Стране», можно прочесть в соответствующих номерах на сайте газеты.

Слава Богу, трудами А. Власенко и М. Талалая уже четвертая книга его литературоведческих статей, увидит свет на родине благодаря издательству «Алетейя». Первый сборник, вышедший в 2019 году, дал возможность российскому читателю ознакомиться со статьями, посвященными русской классике, советской художественной литературе и публицистике, а также

с лингвистическими работами Даниила Федоровича Петрова (Владимира Рудинского), и назван он был по заголовку одной из статей, «Вечные ценности».

Второй сборник, «Мифы о русской эмиграции», вышедший в 2021 году, включает статьи Владимира Рудинского, опубликованные в журналах и газетах русского рассеяния и посвященные литературе (книгам) представителей русской эмиграции, а также литературоведческие статьи о зарубежных писателях и этнографические очерки. В третью книгу, «Два Парижа», изданную в 2022 году, вошёл цикл новелл «Страшный Париж»,

опубликованный в 1990-х; более поздние новеллы, напечатанные в журналах русского зарубежья; статьи и очерки о политической и литературной жизни русской эмиграции во Франции (преимущественно парижской); а также небольшая серия уголовной хроники Парижа, которую он некоторое время публиковал в нью-йоркском журнале «Новое Русское Слово».

Настоящий, четвёртый сборник продолжает раскрытие уникального диапазона таланта Даниила Федоровича Петрова, и посвящён критическим статьям о публикациях представителей русского зарубежья в послевоенных журналах русского рассеяния.

Как из богоборца сделать христианина?

Что предпринять, чтобы уши богоборчества (рудиментарная советская неприязнь к Европе, повышенный и довольно болезненный интерес к чужой частной жизни и любовь к негативному толкованию мотиваций тех или иных чужих поступков, доброжелательность к братской Северной Корее, Кубе и Венесуэле, бесшабашное празднование 9 мая, "христианский социализм", коллективизм и холизм - повышенная общественность и социальность, чрезмерное самомнение и, при этом, оставляющее, мягко говоря, желать лучшего общекультурное развитие) у недавно обращенных богоборцев_по_рождению не торчали изо всех обильно смазанных ныне наваристым патриархияльным миром щелей?

Я предлагаю вот какой рецепт. Вот мы видим бывшего богоборца, согласного обратиться. И предлагаем ему прежде святого крещения...сделать какой-нибудь совсем маленький, ни к чему не обязывающий и невинный поступок.

Например...попрать ногой портрет первого космонавта вселенной Юрия Гагарина:) Он ведь, кроме того, что первый космонавт, ещё и человек-образ, растиражированный человек-святыня.

И именно ему принадлежат известные с детства каждому советскому человеку крылатые слова: "В космосе был, Бога там не нашёл".

А это ведь не просто короткая фраза одного частного человека. Это была фраза-слоган, фраза-дыхание, определившая духовный ритм целого поколения.

Гагарин это, в некотором смысле, свидетель агностической веры позднесоветских людей. Если он так про Бога говорил, значит так (у миллионов в головах) и было. Гипнотически через миллионы голубых экранов действовала его широкая открытая улыбка, запомнившаяся нескольким поколениям советских людей. Его простота и его мужество. И его трагическая смерть - блаженная кончина мученика за прогресс. Именно его образ, как образ закланного агнца светлого коммунистического будущего, кандидату в христиане нужно будет отвергнуть - вместе со своим прошлым, окончательно и совсем.

Это, разумеется, просто

мой рецепт. Может быть кто-нибудь предложит что-то получше? Этот акт будет в некотором смысле эвфемизмом отречения от сатаны, предваряющим церковное отречение. Отречься постсоветский человек ведь должен не просто от чёрта, но от такого чёрта, которого он, в ряду других советских богоборческих идолов, когда-то знал и любил. А иначе опять будет классический для наше-

го времени нечувствительный переход из богоборчества в христианство с характерным нововременным душком.

Знаю, звучит всё это немного смешно. А вы попробуйте. Христианином на постсоветском пространстве всё равно сможет стать только тот, кто полностью внутренне отвергнется и дистанцируется от героев, мифологем и духовных скрижалей СССР. Попробуйте на каком-нибудь угрю-

мом и пожелавшем воцерковиться перед смертью советском обывателе это испытание-тест. А вдруг поможет?

Вы увидите. Если человек поймёт, что его с этим культом "не видевшего в космосе Бога Гагарина" обманывали и затем осознанно примет святое крещение - это будет настоящее воцерковление, а не фарс, плодящий ныне толпы кентавров - наполовину коммунистов, наполовину христиан.

Для ищущих повода сказать, что я, якобы, предлагаю попирает фотографию человека, вновь замечу, что ни в коем случае ничего такого я не предлагаю. Негоже и неумно попирает фотографии людей. Но вот медийный образ-портрет, превышающий размерами земной шар и символизирующий человеческое всемогущество и советский "штурм небес" - это не "фотография", а идол. Люди не бывают размером с планету, как бы некоторым и не хотелось своих героев, штурмующих небеса и рапортующих, что "там Бога нет", до таких размеров раздуть. Такowymi (или меньшими) бывают только идола - а поправление идолов есть святой христианский долг.

И должны исполнить его мы.

Знакомясь с работами дореволюционных гимназистов в подаренном мне сборнике 1874 года издания я как-то всё более проникаюсь мыслью о том, что современный совковый политикум по уровню развития примерно соответствует II классу классической уваровской гимназии и возрасту 8-9 лет. То есть у элиты современных политологов ещё встречаются латинские понятия и слова, но уже нет греческих, третьего класса у них не было. И это - про учёных-политологов. Про современных политиков я даже не говорю, это просто цирковые дрессированные мишки, избранные псарней массового общества. Они одержимы натуралистической установкой и не способны к простейшей феноменологической редукции по факту происхождения, воспитания и образования.

Они не господа самим себе, а просто нанятые массовым обществом слуги. И, вполне естественно, это всегда вороватые и тщеславные слуги.

ФИЛЬМ И РЕАЛЬНОСТЬ

Давно хотел написать о фильме "Остров". Фильм в общем-то позитивный. Но всё-таки по жанру это - научная фантастика. Так не было. Понятно, что фильм не претендует на историчность, что его задача в другом. Но ведь его раскручивали ещё и как "нашу историю", как "правду о Церкви" - то есть о Московской Патриархии.

А реальность была другой. Речь в фильме идёт о 1960-х годах. В нём нам было показано:

1. К старцу в 60-е годы тянется вереница людей, десятки, сотни. Один за другим. Причем приплывают они чуть не на специально выделенном государством катере (!)

2. Ни одного слова о советской власти, ни хорошего, ни дурного. Ни одного почти артефакта советской жизни. Ни "борьбы за мир", ни воспоминаний о войне и "Победе", ни всех этих советских бытовых разговорчиков о том-сём, ничего. "Остров" находится в метафизическом вневременном небытии, за пределами реальности. И даже приезжающий в конце чудом выживший командир старца, ставший генералом, не добавляет в эту реальность, как и фашист в начале фильма, совершенно ничего.

А на самом деле: 1. Никакого "старчества" в 60-е годы в легальной (т.е. при храмовой, около монастырской) среде не было. Это время хрущевской "церковной реформы" (иногда тенденциозно называемой "хрущевскими гонениями на МП"), вымещения внутренней послевоенной активности МП-победительницы во внешний мир. Суть этой реформы сводилась к следующему: всё было строжайше запрещено внутри и, одновременно, разрешено снаружи (МП стала экспортным товаром, частью советского проекта "Борьбы за мир", т.е. пропаганды марксизма вовне). Именно тогда МП вступила во Всемирный Совет Церквей. А внутри страны "пойти к старцу" означало минимум вызов на допросы и изгнание с работы. Старчество в МП как социальный феномен начинается где-то в начале-середине 80-х, когда "моральные устои" бывших строителей коммунизма начинают дряхлеть.

Большинство этих первых "старцев", впрочем, были духовными чудовищами, их советы на начало 80-х составляли среднее синкретическое производное из Рамакришны и Толстого.

2. Советские и антисоветские разговоры составляли примерно 90 процентов всего, что обсуждалось в церковной среде. Причём оба направления исходили из одного источника (антисоветизм обычно являлся рутинной провокацией, если на него не покупались и возражали - знаком того, что далее общаться дозволено)

И ещё: эта среда была настолько гнусной в чисто эстетическом плане, безотносительно "церковной позиции", просто глазами обычного отвлечённого человека, что почти идеальная картинка "Острова" это просто инореальность, патриархийный рай. Представить себе скит или монастырь того времени (да и нынешнего) без откровенных, скабрёзных, елейных, нахальных, неотвязных, назидательных, одухотворенных и слюноточивых мужеложников, латентных или практикующих, практически невозможно.

Николай Греков

А. Григорьев

САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ ЕПИСКОП РПЦЗ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ СЯТИТЕЛЕМ ИОАННОМ ШАНХАЙСКИМ И САН-ФРАНЦИССКИМ БОГОСЛОВСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Родился святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (Максимович) неподалеку от города Харькова в 1896 году.

В 1917 году в России произошла большевицкая революция. Чтобы спасти свою жизнь, семья Максимовичей вынуждена была бежать в Югославию...

В 1925 году он оканчивает Богословский Факультет Белградского Университета, а в 1934 году его возводят в сан епископа и отправляют служить на другой конец света — в китайский город Шанхай.

В то время в Шанхае проживало много русских. Эти люди, так же как и сам Владыка, вынуждены были оставить родину после революции. На чужбине им пришлось очень несладко. Многие из них совсем обнищали и превратились в жалких оборванцев. Владыка Иоанн стал помогать этим несчастным чем только мог: деньгами, продуктами, добрым словом, молитвой.

Сам ходил в потрёпанной одежде, зачастую босиком, не считал возможным щеголять в обновках, когда люди вокруг бедствуют.

Но были в шанхайских трущобах те, кому приходилось хуже всех. Это нищие беспризорные дети. Обидеть их мог каждый, а заступиться за них было некому. Поэтому именно о них владыка Иоанн заботился в первую очередь.

Сразу же по прибытии в Шанхай он организовал приют для сирот и детей нуждающихся родителей. За свое пятнадцатилетнее существование этот приют дал убежище многим сотням мальчиков и девочек.

Владыка сам собирал больных и голодающих ребят с улиц и из тёмных городских закоулков. Одну девочку он привёл в приют, выменяв её у китайца за бутылку водки. Денег на содержание воспитанников всё время не хватало. Но зато рядом с ними всегда был владыка Иоанн, любивший приютских детей как своих собственных. А настоящая любовь может творить чудеса даже в самых безвыходных обстоятельствах.

Одна из воспитательниц приюта, Мария Александровна Шахматова, рассказывала о таком удивительном случае: «Однажды во время войны нищета приюта достигла таких пределов, что кормить детей было в прямом смысле нечем, а было их тогда в приюте как минимум девяносто человек. Наш персонал негодовал, потому что архиепископ Иоанн продолжал приводить новых детей, некоторые из которых имели родителей, а следовательно, мы были вынуждены кормить ещё и чьих-то детей. Однажды вечером, когда он пришёл к нам — изнуренный, обессиленный, замерзший и молчаливый, я не смогла сдержаться и высказала ему всё, что было на душе. Я сказала, что мы, женщины, не можем больше мириться с этим, видеть эти маленькие голодные рты, будучи не в состоянии дать им хоть что-то поесть. Я потеряла контроль над собой и в негодовании повысила голос. Я не только жаловалась, я была полна гнева за то, что он заставлял нас терпеть это. Он грустно посмотрел на меня и спросил: “В чём вы больше всего нуждаетесь?” Я ответила сразу же: “Во всём! На

худой конец — в овсянке. Мне нечем кормить детей утром”».

Архиепископ Иоанн посмотрел на неё печально и поднялся вверх к себе. Затем она услышала, как он молится и бьёт поклоны, причём так усердно и громко, что даже соседи стали жаловаться. Её мучила совесть: в ту ночь она так и не смогла заснуть и задремала только под утро. Разбудил её звонок в дверь. Открыв, она увидела незнакомого господина — на вид англичанина, который сообщил, что представляет какую-то зерновую компанию, и у них остались лишние запасы овсяной крупы, поэтому он хотел бы узнать, можно ли найти ей применение, ведь здесь, как он слышал, есть дети. И тут же в приют начали вносить мешки с овсянкой.

В это время владыка Иоанн начал медленно спускаться по лестнице. Мария Александровна утратила дар речи, когда поймала его укоризненный взгляд. Она хотела упасть и целовать его ноги, но он уже ушёл наверх продолжать молитву, теперь уже благодарственную.

Вот так, потихоньку, с Божией помощью, Владыка Иоанн Максимович сумел, кроме детского приюта, организовать ещё и госпиталь, и дом для престарелых, и бесплатную общественную столовую... Более всего он заботился о самых слабых и незащищённых.

Но пришла пора, и все русские жители Шанхая оказались незащищёнными перед лицом новых испытаний. Когда гражданская война в Китае вплотную приблизилась к городу, оставаться там стало очень опасно. И русские люди обратились к международным организациям с просьбой дать им временное пристанище в любой стране. Откликнулись на этот призыв о помощи лишь власти Филиппин. Они предоставили беженцам маленький, почти необитаемый остров Тубабао.

Туда и отправились из Шанхая на нескольких кораблях свыше пяти тысяч русских. Вместе со своей паствой отбыл на остров и Владыка Иоанн Максимович.

Остров Тубабао был весь покрыт зарослями тропического леса. В этих джунглях беженцы расчистили себе место для лагеря. Никакого жилья на острове не было и в помине, поэтому устраиваться пришлось в старых армейских палатках. Но

русским людям было не впервой обживать новые места. Из одной большой палатки сделали походную церковь, из другой — госпиталь для больных, из третьей — столовую...

А через несколько недель в лагере сыграли первую свадьбу. Жизнь стала понемногу налаживаться, как вдруг над палаточным городком нависла новая грозная беда. Дело в том, что остров Тубабао лежит на пути сезонных тайфунов — страшных ураганов, которые могут разметать в щепки даже деревянный дом. А от жалких русских палаток самый слабый тайфун не оставил бы даже ключев. Ураганы бушевали над островом очень часто, и от этой напасти не было никакого спасения.

Но Владыка Иоанн твёрдо верил, что Богу возможно всё. И стал каждую ночь обходить весь лагерь с молитвой, как когда-то в Битоле обходил спальни своих семинаристов. Вот тут-то даже местные жители уверились, что русский епископ — необыкновенный человек. Потому что за все те двадцать семь месяцев, что русские провели на Тубабао, тайфун объявился лишь однажды. Да и тот, приблизившись к острову, изменил свое направление и пронёсся стороной, не причинив никому вреда.

Филиппинцы говорили русским: «Пока ваш святой человек каждую ночь обходит лагерь и благословляет его со всех четырех сторон, нечего беспокоиться ни нам, ни вам».

Но Тубабао всё равно был лишь временным пристанищем для русской колонии. Нужно было искать другое место для поселения, и Владыка об этом хлопотал. Он отправился в Вашингтон, где встречался с властями, писал прошения и в итоге добился немислимого: Конгресс США по его просьбам изменил закон о въезде эмигрантов в страну.

Теперь вся его паства получила возможность перебраться в Соединенные Штаты Америки. И как только русские покинули остров, страшный тайфун разрушил лагерь на Тубабао до основания...

Благодаря усилиям и молитвам Владыки Иоанна шанхайские беженцы переселились с Тубабао в американский штат Калифорния.

А самого Владыку церковное руководство снова направило на другой конец земли — в город

Париж, столицу Франции. Новый епископ Западно-Европейский быстро завоевал любовь парижан. Как и в Шанхае, он помогал бедным, регулярно посещал городские госпитали, беседовал с больными, молился о них Богу. Часто после его молитв выздоравливали даже совсем безнадежные пациенты.

Всё нравилось парижанам в новом епископе. И лишь одно обстоятельство их смущало: Владыка Иоанн, как и прежде, ходил по улицам босиком. Французы так и прозвали его — Saint Jean Pieds (Святой Иоанн Босой). Ну так то французы, а вот русским верующим было чуть-чуть неловко: что за диво такое — их епископ ходит босой? Как-то неприлично. Это же всё-таки не тропический остров, а Париж!

Кончилось тем, что написали они жалобу первоиерарзу Русской Зарубежной Церкви Митрополиту Анастасию. Тот прислал Владыке письмо, в котором просил его всё же носить на улице обувь и не смущать народ. Обрадованные этим прихожане поспешили преподнести своему епископу новые ботинки. Владыка принял дар, поблагодарил. И... продолжал ходить босиком. А подаренные ботинки везде носил с собою, держа их за шнурки.

Прихожане возмущались и ещё раз пожаловались церковному начальству. Митрополит снова написал владыке Иоанну: «Как же так? Почему ты не слушаешься? Немедленно надень ботинки!»

И получил от него ответ: «Вы писали, чтобы я носил ботинки, но не написали, чтобы я их надел. Вот я и носил их, как мне было удобнее. А теперь, конечно же, надену». И с тех пор владыка Иоанн ходил по Парижу только в ботинках.

Святитель Иоанн Шанхайский закончил своё служение Богу и людям в американском городе Сан-Франциско, где он провёл последние три года своей жизни.

О его святости свидетельствуют по всему миру сотни и даже тысячи людей, получивших по его молитвам чудесную помощь.

Спустя двадцать семь лет после его кончины Церковь прославила Иоанна Шанхайского в лике святых.

Когда вскрыли гробницу, его тело оказалось нетленным, то есть таким же, каким его похоронили.

Но даже смерть святого епископа не лишила людей его чудесной помощи. В тяжёлые моменты жизни, когда никакие земные силы не могут помочь беде, многие христиане обращаются к нему с просьбой о помощи. И получают её, потому что на Небесах святитель Иоанн Шанхайский по-прежнему любит всех людей и помогает им так же, как и в земной своей жизни.

Как выглядит святой человек? Да вот так и выглядит: небольшого роста, с косматой шевелюрой, босой, в поношенной рясе... Не нужно этому удивляться. Ведь не во внешности человека заключается его святость, а в любящем сердце, всегда устремлённом к Богу и к ближнему. Именно через таких людей в мир изливается любовь Божия. Как изливалась она через сердце самого необычного епископа Русской Православной Церкви Заграницей — святителя Иоанна Шанхайского.

Архиепископ Иоанн (в миру Михаил Борисович Максимович; 4 (16) июня 1896, село Адамовка, — 2 июля 1966, Сизтл, США)

Иерей Павел Ивашевич

ПУТИНЫМ РУЛИТ ДЬЯВОЛ

Без внешней войны путинская неосоветская система не живёт. Надо поджигать мир с разных сторон, как Сталин. Все попытки Путина разжечь мировую войну, предпринимавшиеся регулярно, привели в конце концов к тому, что раковая опухоль на теле Европы разрастается. Войну не удаётся завершить победоносным ударом, и туда устремляются всё большие русские силы, русские деньги. В эту войну автоматически вовлекается Белоруссия, в неё уже вовлечена Европа, хочет она этого или нет, особенно если Дональд Трамп будет настаивать на том, что "хватит эксплуатировать Америку, давайте-ка поэксплуатируем Европу".

Никаких ресурсов самоизменения, самоспасения у этой неосоветской системы не осталось. Она не может взорваться, как Советский Союз, она не приготовила себе таких могильщиков, как диссидентов, интеллигентов, "перестройку". У неё нет "перестройки". Эта система может только рухнуть окончательно. Она обрубила себе все механизмы реформирования. В этом смысле там железобетон.

Поэтому ничего, кроме краха, впереди у этой системы нет. Россияне не могут поднять такое восстание, которое переломило бы эту систему, просто потому, что во главе страны стоят чекисты, которым никого не жалко. Даже "русский Тяньаньмэнь" – это идеальная ситуация: ну, тоже очень жестокая, кровавая, но сравнительно хорошая. Россияне не пойдут на смерть в таком количестве, прекрасно понимая, что уличная политика в России закончилась. Поэтому никакого обрушения, никакого восстания не будет. Эта система погибнет не в результате революции.

Структура советского государства мало изменилась, федерализм не появился, местное самоуправление не появилось, критика, парламент, свободы и всё это продержалось, два месяца. Поэтому говорить о каком-то революционном изменении в этой ситуации нельзя. Система должна рухнуть под тяжестью своей некомпетентности.

Русский Лех Валенса вполне может появиться только после смуты, выплыть из мутной воды. Он может появиться из армии, такой "душка военный", который будет могильщиком режима, скорее, инициатором путча вроде пригожинского. Это может быть кто-то из молодых, который

возникнет в России. Или кто-то из "приморских партизан", или из сельских учителей, или из местных интеллигентов. А если это будет кто-то из новейших политических эмигрантов – ради Бога, флаг в руки. Будем надеется на то, что этот человек не попытается первым своим указом создать в стране Чрезвычайную Комиссию. Думаю, он уже не попытается, всё будет скомпрометировано до предела. И вот как раз после Путина, который просто исчезнет, растворится, и куда он делся, мы узнаем лет через 20–30 что невозможен никакой человек, восстанавливающий систему.

Совершенно очевидно одно: такая великая страна, как Россия, не может исчезнуть или окончательно деградировать из-за таких ничтожеств, которые рулят ею сейчас. Россия никуда не денется. Если считать Путина эпизодическим лицом в греческой трагедии, в которой, по Бродскому, гибнет не герой, а хор, то, конечно, Россия переживает греческую трагедию. Огромная, сто лет стоявшая система рухнет под действием абсолютно античного рока. А античный рок, как мы знаем, не sentimentalен, он безжалостен. То, что происходит с Россией, – это трагедия.

Другое дело, что в греческой трагедии, в отличие от трагедии, например, классической, или трагедии шекспировской, или трагедии шиллеровской, герой всегда получает то, чего он заслуживает.

В шекспировской возможно милосердие: Лиру прощаются его страдания. А в античной трагедии такой сентиментальности нет, поэтому, я думаю, и Владимира Путина ожидает не эпическая, не трагическая судьба. Он, как эпизодическое лицо русской истории, просто растворится где-то на её просторах. Будет, как у Проханова в пророческом романе "Господин Гексоген": он сел в кабину бомбардировщика – и исчез.

Никаких путинистов не останется. Люди будут затирать исторические свидетельства, из последних сил стирать из памяти современников то, что они творили. Это абсолютно неизбежно. Иной вопрос: удастся ли им это и избегут ли масштабного суда? Нужен был бы процесс вроде Нюрнбергского. Все силы надо будет направить на этот процесс.

А России надо думать о том, какую модель предложить, как спастись. Когда капитан утопил корабль, в шлюпках судилища над капитаном не устраивают, там выгребают.

Вот выгребать придётся, и это будет долгий мучительный процесс.

Путин сладострастно наслаждается страданиями других людей, как о нём часто говорят эксперты. Известно, что вкусной едой, вином и обществом прекрасных женщин он не наслаждается. А наслаждается он, видимо, массовыми убийствами. Ясно видно, что глумливая улыбочка начинает играть на его одутловатом лице, когда он заговаривает о массовых расправах или о крылатых ракетах. И он тогда с каким-то особенным сладострастием раскидывает ноги перед сидящими перед ним журналистами, как бы допуская их к источнику благодати.

Говорить о некотором садистическом наслаждении в его случае можно, но ведь это уже не Путин. Он давно впустил в себя некую страшную сущность, которая рулит Россией. Он был не настолько значителен душой, а сейчас эта сущность давно съедена, там пустая шкурка, наполненная абсолютным злом. Рулит дьявол, который в него вошёл и не встретил никакого сопротивления.

Не только 140 миллионов русских оказались в заложниках у этого Путина. В заложниках оказались, миллиардов этак 8. Все в заложниках у человека, постоянно готового нажать на кнопку.

А народ в Российской Федерации очень изменился. В процессе советской и неосоветской схемы он, как поезд, который долго бежит по кругу, терял ва-гоны. Сейчас российский народ не имеет ничего общего с российским народом, скажем, 70-х годов. Тогда это был народ, превращающийся в интеллигенцию, или, как говорил Солженицын, в "образованщину". Эти люди критически относились к власти, осуждали доносительство, создавали новый фольклор. Навелла Матвеева тогда написала знаменитую статью о том, что мы получили новый тип народа – интеллигентный, культурный народ.

Этот народ был полностью уничтожен в 90-е годы и в начале нулевых. Сегодняшнее население России, которое отказалось от всякого участия в своей судьбе, либо разъехалось, либо сидит, либо загнано в железные и бронированные стойла. Говорить сейчас о русском народе, о его воле чрезвычайно затруднительно, как затруднительно говорить о воле женщины, которую регулярно насилюют.

Д. Карамышев

Дух времени

Думаю, то, что понимается под словосочетанием "дух времени" (то есть совокупность принадлежащей к тому или иному времени наиболее распространенной общественной морали, мифологии, религиозности, представлений о добре и зле, предостережений о войне и мире) отвратительно всегда. Это очевидно, ведь мир лежит во зле. И даже и в самые благоприятные свои эпохи мир остается миром, то есть сообществом приспособленцев, подлецов и вероотступников, а "общественная мораль" является плодом их бесконечной фарисейской лжи.

Разумеется, всё относительно. Одни эпохи благополучнее других. Но даже внутри самых замечательных эпох (что могло быть, скажем, лучше, чем период правления Юстиниана?) всегда одни предаются, а другие – предаваемы, всегда большинство лжёт или соглашается с ложью и лишь единицы говорят правду и умирают за свои слова.

Но с другой стороны – если не преодолевать этот самый "дух времени", если не говорить всегда правду в лицо, терпя от мира потоки бесконечных поношений и клеветы (если не что похуже), то как вообще можно считать себя христианином и мужчиной? По-моему очевидно – "дух времени" (совокупность конформистской лжи большинства) необходимо преодолевать всегда.

Право на свободу (от Бога) и жизнь (во грехе) – этико-юридический фундамент современного мира, положенный послевоенной Декларацией Прав человека. Слов "Бог" и "грех" в самом тексте знаменитого документа нет, поэтому я взял их в скобки. Но они там, тем не менее, имплицитно присутствуют. Ведь всё в целом так называемое "послевоенное мироустройство" – венец взрывного процесса секуляризации права и политики, запущенного на полную мощность в Европе только после окончания Первой Мировой.

"Свобода и жизнь" вне целевого их употребления, только и имеющего ценность в христианском обществе, на самом деле ничто. Но именно эти "права", контекстно независимые и гарантированные в послевоенной современности всем, превратились в ценный общественный товар для потребителя политических свобод, усредненного гражданина растущего массового общества.

Осталась ещё, правда, горстка христиан, для которых рабство (Богу) и послушание (богопоставленной иерархии) всё-таки не пустой звук. Впрочем, их право на рабство Богу миру вокруг трудно юридически оспорить. Точно так же трудно лишить их права на смерть как врат в Небесное Царство. Как видим и сейчас, как и сто, и двести, и две тысячи лет назад – каждому своё. И Слава Богу за всё.

А. Босоволков

ИСПЫТЫВАТЬ СОВЕСТЬ

В 1953 году Русская Православная Церковь Заграницей приняла специальное синодальное постановление, которое обязывало пастырей "испытывать совесть" приходящих к Ней бывших подсоветских граждан прежде их присоединения. Это решение устанавливало фактически карантин и испытательный срок для всех советских людей, давало им время очеловечиться или убежать назад в свой

зверинец. И особое внимание принимающей стороны, которую советские пропагандисты именовали "карловацким расколом" и "власовской Церковью", было приковано к отношению к "Победе".

По моим личным наблюдениям иное отношение к непотворчивым существам советского потока всегда свидетельствует или о том, что относящийся иначе сам не достиг в СССР совершеннолетия и плохо представляет что это было, либо о том, что он был мелким народным палачом редких в позднем СССР недобитков, ростков погибшего культурного русского общества. Иное от-

ношение является для меня не предметом для полемики, но фактом, свидетельствующим против принадлежности к человеческому роду, то есть я сразу же прекращаю общение. В Союзе Советских Социалистических Республик люди были гонимым меньшинством, как в голливудском фильме "Планета обезьян".

И вот членство в социальной корпорации благополучного обезьяннего большинства, в корпорации гонителей является криминальным фактом, как ни крути, даже в случае личной малой вовлеченности и умеренности.

Б. Глебов